

- речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 90–136.
- Кавинкина И. Н. Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка. Гродно: Изд-во ГрГУ, 2007. 153 с.
- Крысин Л. П. Некоторые принципы словарного описания русской разговорной речи (Постановка задачи) // Русский язык в научном освещении. № 2 (16) 2008. М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2008. С. 110–118.
- Скляревская Г. Н. Русский язык конца XX века: версия лексикографического описания // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. ст. / отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. М.: Ин-т рус. яз., 1996. С. 463–472.
- Словарь русского языка в четырех томах. Том I. А-Й / гл. ред. четвертого издания А. П. Евгеньева. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
- Черняк В. Д. Современная лексикография как зеркало социальной жизни современной России // Современная русская речь: состояние и функционирование. Сборник аналитических материалов / под ред. С. И. Богданова, Л. А. Вербицкой, Л. В. Московкина, Е. Е. Юркова. СПб.: Издат. дом «МИРС», 2004. С. 131–155.
- Чуйко В. М. О четырех степенях естественности устной спонтанной речи (данные аудиторского эксперимента) // Материалы XL международной филологической конференции. Вып. 24. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 23–25 марта 2011 г. Санкт-Петербург / отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. СПб.: Изд-во Фил. факта СПбГУ, 2011. С. 222–229.
- Meyer C. F. English Corpus Linguistics: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 168 p.
- Oldfield R. C. Things, Words, and the Brain // Quarterly Journal of Experimental Psychology. Psychology Press, 1966. Vol. 18. P. 340–353.

УДК 811.512.37'271.2 + 811.111'271.2

ББК Ш100.3 (2 Рос.Калм) + Ш164.3-5 + Ш143.21-5

ГЕНДЕР И РОДСТВО В КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКОЙ

А. В. Радионов

Ряд культурологов отмечает, что язык в современном языкознании служит не только объектом изучения и освоения, но и «носителем», «зеркалом» культуры [Гендер 2011: 6]. В фокусе зрения лингвокультурологов лежат элементы культуры, которые отражают, формируют информацию при помощи языка. Одним из таких элементов является гендер — социокультурный конструкт, аккумулирующий представления о мужественности и женственности, характерные для общества в определенный период его развития.

Эдвин и Ширли Арденер писали: «В любом обществе существуют господствующие (*dominant*) способы выражения, создаваемые доминирующими в нем структурами. В любой ситуации “слушают” и “слышат” лишь доминирующий способ выражения,

лишенная голоса группа (*muted group*) в любом контексте должна выражать себя в терминах доминирующего способа, а не той модели выражения, которую она могла бы создать сама» [Гендер 2011: 9]. Очевидно, что под лишенной голоса группой следует понимать женщин. С 70-х гг. прошлого столетия, что совпало со временем зарождения гендерной лингвистики, была предпринята серия попыток предоставить слабому полу голос в языке, а иногда и изменить сам язык. В частности, можно привести один пример крайней интерпретации теории Арденеров, отраженной в работе представительницы радикальной гендерной лингвистики Мери Дэйли, которая призывала отказаться от слова *history* в пользу *herstory* из-за якобы включения в состав первого гендерно маркированного элемента *his* «его». Кроме ча-

стичного упоминания в прессе в 1980-х гг. и появления ряда интернет-сайтов, данная этимологически необоснованная лексема дальнейшего распространения не получила.

Дейл Спенсер, автор книги «Man Made Language» (название которой можно перевести двояко — «Язык, созданный человеком» или «Мужчина создал язык»), в своем труде утверждает, что язык стал средством манипуляции реальностью для мужчины, и приводит несколько примеров: слово «материнство» в патриархальной традиции имеет исключительно позитивную дефиницию, так что другие стороны женского опыта, связанные с этим понятием, не могут быть выражены в языке: *happy motherhood* («счастливое материнство»), но не **unhappy motherhood* [Spencer 1990: 31–40].

Принимая позицию Спенсера и других видных ученых, в настоящей работе мы попытаемся раскрыть асимметричность представления мужчин и женщин на примере некоторых терминов, выражающих семейно-родственные отношения в калмыцком и английском языках. Наша рабочая гипотеза заключается в следующем: объем семантики, заключенный в наименованиях родства, а также их функционирование внутри и за пределами семейного дискурса обусловлены ментально-культурными и национально-историческими особенностями развития, зафиксированными в языке и сознании этих народов, а также традиционным распределением гендерных ролей в социуме.

Введение термина «гендер» в языкознание повлекло за собой необходимость четкого разграничения его от понятия «пол». Отечественные исследователи раскрывают сущность этих категорий через их взаимную корреляцию (Пушкарев 1998; Воронина 2001; Шведова 2000; Лорбер 1999; Зиммерман, Уэст 1999). Приводя несколько упрощенное определение, можно сказать, что сказать, что «пол — это биологические данные, а гендер — социальное приобретение» [Miller 1977: 51].

Общим для калмыцкого и английского языков является факт флективно-маркированного гендерного различия, т. е. род как грамматическая категория в известной степени нерелевантен. Р. Квирк все же выделяет девять моделей применения гендера, называя их «смысловым родом» (*notional, covert*) в отличие от «грамматического» (*grammatical, overt*), характерного, например, для русского языка [Quirk 1985: 314].

Нас интересует класс гендерно маркированных и немаркированных одушевленных существительных, в разряд которых попадают все термины родства: *эцк* ‘отец’ / *эк* ‘мать’, *аав* ‘дедушка’ / *ээж* ‘бабушка’, *көвүн* ‘сын’ / *күүкн* ‘дочь’; *bachelor* / *spinster*, *father* / *mother*, *Mr* / *Mrs*, *Miss*, *Ms*.

К гендерно маркированным парам в английском языке относятся: *bridegroom* жених / *bride* невеста, *widower* вдовец / *widow* вдова. Интересно отметить, что с графической точки зрения это редкие случаи более длинных слов мужского рода. В калмыцком грамматические маркеры применяются для дифференциации животных: *һунн цар* ‘трехлетний вол’ / *һунжһн үкр* ‘трехлетняя корова’. Для обозначения одушевленных лиц существуют следующие лексемы: *эр* ‘мужчина’, *эм* ‘женщина’, *күүкн* ‘девочка’, *ах* ‘старший’, *дү* ‘младший’, *эгч* ‘старшая сестра’. Так, отдельно употребляющийся термин *дү* означает младшего брата, а с добавлением элемента *күүкн* — младшую сестру [Грамматика калмыцкого языка 1983: 95–97].

Для калмыцкого языка важен компонент *һаһу*, представляющий группу родственников со стороны матери: *һаһу ах* / *һаһух* ‘дядя, брат матери’, *һаһу эгч* ‘тетя, сестра матери’, *һаһу ээж* ‘бабушка по матери’. Групповой термин *һаһуһр* применяется по отношению ко всем матрилинейным родственникам. Ц. К. Корсункиев верно заметил, что элемент *һаһу* выражает отношения родства детей и потомков по дочери к ее родителям и родственникам мужского пола, вторые элементы репрезентируют отношения дочери к ее родственникам мужского пола, соотнесенные с ее потомками [Пюрбеев 1996: 170]. *Һаһу* относится к классификационным терминам, распространенным в алтайских языках, и отражает патрилокальность и патрилинейный счет родства. Для современного английского языка подобные классификационные термины нехарактерны.

Английским лексемам с дуальным (общим) родом (*dual gender*) — *siblings* ‘братья или сестры’, *parents* ‘родители’, *grandparents* ‘родители родителей’, *spouse* ‘супруг’ — соответствуют калмыцкие парные слова: *ах-дү* (братья — от *ах* ‘старший брат’ и *дү* ‘младший брат’), *эк-эцк* (родители — от *эк* ‘мать’ и *эцк* ‘отец’), *аав-ээж* ‘дедушка и бабушка’, а также словосочетание *залу герһн хойр* (досл. ‘муж и жена’). Проф. П.

Экерт в своем труде «Язык и гендер» полагает, что порядок следования гендерно маркированных единиц в сочетаниях (*gender order*) конвенционален, закреплён в сознании носителей языка. *Mr. and Mrs. Smith, husband and wife, Adam and Eve* — все это примеры данной конвенции, идеологии, отмеченные грамматистами XVI в., которые утверждали, что такой порядок следования отражает естественное биологическое превосходство мужчины над женщиной [Eckert 2003: 34]. Вышеприведенные примеры парных слов из калмыцкого языка полностью соответствуют данному положению. Исключение *эк-эцк* можно объяснить либо фонологическим принципом (инициальную позицию занимают элементы, стоящие впереди согласно алфавиту), либо, что нам кажется более правдоподобным, отголоском матриархата.

Брак порождает не только новые отношения между семьями, но и генерирует целую сеть новых наименований, которые принято называть терминами свойства. Так как отношения строятся по модели родственных, то неслучайно при назывании родственников супруга используют термины родства с прибавлением элементов: в калмыцком это стоящий в препозиции элемент *хадм*: *хадм эк* 'теща, свекровь' / *хадм эцк* 'тесть, свекор'; в английском языке — постпозиционный элемент *in-law*: *mother-in-law* / *father-in-law*. Все термины свойства в обоих языках по структуре сложные или составные, исключая лексемы, эксплицирующие понятия «муж», «жена»: *husband* / *wife*; *аваль* 'законный (первый) муж', *залу* 'муж' / *аь*; *аваль* 'законная (первая) супруга', *гергн* 'жена', *хатн* 'супруга [выс. стиль]' [Монраев 2002: 14–15]. Большее количество данных терминов в калмыцком языке подтверждает возможность существования полигинии у калмыков, унаследованной от ойратов [Батмаев 2008: 46]. Многоженство существовало вплоть до конца XIX в., но было крайне редким явлением. Основная причина появления второй жены *хөөт гергн* — отсутствие детей (т. е. наследников) у первой *аваль*, которая в свою очередь не имела права противиться воле мужа. Это положение отражено в народной мудрости, что можно проиллюстрировать на примере пословиц: *Хөөт гергн хөөнэ махнас эмтэхн* 'Вторая жена слаще баранины'. *Нүүнэ гисн нутг* — *үвлэң болдг, хэрүлнэ гисн гергн* — *аваль болдг* 'Кочевье, которое собирался

покинуть, становится зимним; жена, с которой собирался развестись, становится первой женой'.

По данным этнографических описаний рубежа XIX–XX вв., положение жены в калмыцком обществе в определенных случаях было сложным и неустойчивым: не могли себя уверенно чувствовать вдовы (*белвсн эм, күүкд кун*), имеющие пасынков, овдовевшие жены нойонов и зайсангов, но особенно бездетные вдовы; по законам и обычаям знатные женщины, как и простолюдинки, были лишены наследственных имущественных прав, часто подвергались побоям [Батмаев 2008: 76–79]. В народе даже появилась пословица: *Утхан бүлүдсн залу* — *иддг, келэн бүлүдсн гергн* — *маля үздг* 'Мужчина, который точит нож, будет есть, женщина, которая точит язык, отведаёт плоть'. Если согласно И. В. Бентковскому у калмыков Большедербетовского улуса развод был без формальностей и муж всегда мог прогнать жену [Батмаев 2008: 105], то И. А. Житецкий писал, что у астраханских калмыков процесс развода был унижительным, позорным для жены и соответственно редким. Для разведенной женщины у калмыков существует специальное наименование *хэрсн күүкн* (от *хэрх* 'возвращаться'), которое хорошо иллюстрируется пословицей: *Хэрсн күүкн халулсн цэ мет* 'Дочь, вернувшаяся к родителям после развода, подобна подогретому чаю'. Нелишним будет заметить, что женщина после развода (*саллн*) не имела даже прав на детей. Это связано с патриархальным обычаем, проявлявшемся в представлении о том, что ребенок принадлежал только роду мужа: к примеру, в случае преждевременных родов в доме родителей жены роды принимали под насоро сооруженным навесом [Батмаев 2008: 134].

Для английских жен рубежа XIX–XX веков было характерно более низкое положение в обществе по сравнению с мужчинами: они не имели права выйти на улицу без сопровождения, могли подвергнуться наказаниям в воспитательных целях (пример пословицы: *A woman, a dog, and a walnut-tree, the more you beat them, the better they be* 'Женщина, собака и ореховое дерево — чем больше их бьешь, тем лучше они становятся'), процесс развода ограничивался церковью. Символически отношение муж / жена прослеживается в обращениях при корреспонденции: муж

использовал пренебрежительный апеллатив «*Dear Child*» ('дорогое дитя'), жена же подписывала письма «*your faithful and obedient wife*» (искренне ваша покорная жена). Если в XVII–XVIII вв. было принято называть жену «*Mistress*», т. е. управляющая делами по дому, слугами, то в начале XX в. к ней стали обращаться через титульный термин «*Mrs.*» с добавлением фамилии мужа [Mintz]. Отметим, что полигиния встречалась в английской семейной традиции, что подтверждается пословицей: *The first wife is matrimony, the second company, the third heresy* 'Первая жена — это супруга, вторая — подруга, третья — ересь'.

В пословичном фонде рассматриваемых языков можно выделить несколько групп, отрицательно изображающих жен и женщин, для которых объединяющими являются следующие идеи:

1. «Их приходится терпеть»:

Tatwр уга куүкд ку буульхин ормд, үктлэн белвсн йовсн деер 'Чем жениться на неряшливой женщине, лучше всю жизнь оставаться холостым'. *He that loses his wife and sixpence, has lost a tester* 'Тот, кто лишился жены и шести пенсов, потерял лишь шесть пенсов'.

2. «С ними лучше не делиться секретами, ибо они болтливы»:

Яамни куүтэ битгэ үүрл, эмдэн үнн битгэ кел 'Не дружи с высокопоставленным человеком [чиновником], не говори правду жене'. *A woman's sword is her tongue, and she does not let it rust* 'Меч женщины — это ее язык, и она не дает ему ржаветь'.

3. «Они жадные»:

Ховдг гергтэ күн хорьта шөл уудг уга 'У кого жадная жена, тому не есть жирного супа'. *Mills and wife are ever wanting* 'Мельницы и жена ненасытны'.

Гендерные роли в семье традиционно в калмыцкой и английской лингвокультурах распределялись так: мужчина — добытчик, обеспечивает семью, в ответе за жену и детей (долги жены, к примеру, переходили мужу); за женой закреплялись работа по дому, воспитание детей, забота о супруге. Изменения в гендерных ролях во второй половине XX в. из-за эгалитарных, социальных и экономических причин от-

разились в словарном составе английского языка, но в меньшей степени в калмыцком. Традиционный термин *housewife* 'домохозяйка' (досл. 'домашняя жена') уже не удовлетворял потребности современного общества, в котором все чаще женщина имела возможность работать вне дома и строить карьеру, так что обязанности по дому распределялись более равномерно между супругами. Позже применялся гендерно не маркированный термин *homemaker* как более предпочтительный. Однако с начала 80-х гг. прошлого века произошли изменения в американской нуклеарной семье, в которой добытчиком стала жена *business lady, career woman*, муж же выполнял традиционные женские обязанности (редакторы журнала «*Marie Claire*» нашли подходящие термины *alpha mom* и *beta husband*). Следующий ряд терминов применяют относительно мужа, который занимается обязанностями по дому и воспитанием детей: *stay-at-home dad, stay at home father, house dad, SAHD, househusband, house-spouse, stay-at-home pop*. С выходом фильма «*Mr. Mom*» и одноименной песни группы «*Lonestar*» популярным стало и данное сочетание. Общим для них является пейоративная стилистическая окраска — видимо, социуму еще нужно время, чтобы свыкнуться с мыслью об изменении гендерных ролей в семье, что нашло отражение в языке. Тем не менее, по данным Бюро статистики труда за 2009 г., 7,4 % мужей являлись *stay-at-home dads*, и их число растет.

В заключение отметим, что в целом в калмыцком и английском языках актуализировано и вербализовано доминирующее положение мужчины в семье. Этнографические данные из работ ученых рубежа XIX–XX вв., примеры пословиц и поговорок, фиксированный порядок следования элементов сложных слов и словосочетаний (*gender order*), а также пейоративно-окрашенные термины типа *хэрсн куүкн* в калмыцком (негативно репрезентирующий разведенную женщину в традиционном обществе) и *stay-at-home dad* в английском (эксплицирующий негативное отношение к изменению традиционных гендерных ролей в современной семье) среди прочих подтверждают высказанное положение.

Литература

- Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. 256 с.
- Гендер в британской и американской лингвокультурах: монография / Е. С. Гриценко, М. В. Сергеева, А. О. Лалетина, А. А. Бодрова, Л. Г. Дунашева; отв. ред. Е. С. Гриценко. М.: Наука, 2011. 224 с.
- Монраев М. У. Хальмг келнэ синонимсин толь. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 208 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Грамматика калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с.
- Eckert P., McConnell-Ginet S. Language and gender. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 366 p.
- Miller C., Swift K. Words and Women. New York: Anchor Press, 1977. 244 p.
- Mintz S. Mothers and Fathers in America: Looking Backward, Looking Forward [Электронный ресурс] // URL: <http://www.digitalhistory.uh.edu/historyonline/mothersfathers.cfm> (дата обращения: 25.01.2012).
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A comprehensive grammar of the English language. New York: Longman Inc., 1985. 1779 p.
- Spencer D. Man made language. Ontario: Pandora Press, 1990. 272 p.

УДК 811.512.37

ББК 81.2(2Рос.-Калм.)

**ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ В ФОЛЬКЛОРНОМ ДИСКУРСЕ:
ЖАНР КАЛМЫЦКОЙ ПЕСНИ В СВЕТЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО И
КОРПУСНОГО ПОДХОДОВ ***

Э. У. Омакаева

Калмыцкая песня — уникальное явление в традиционной культуре народа, музыкально-поэтический феномен, являвшийся важной составляющей жизни кочевника. Жанр песни выделяется по своей массовости и социальной значимости. Песня отражает потребность человека в словесно-поэтическом выражении своих чувств, в эмоциональном переживании наиболее важных событий и значимых моментов жизни в их образно-символическом эстетическом представлении.

Целесообразно активнее использовать калмыцкие песни в качестве учебного материала при обучении языку в силу их высокого креативного потенциала и сильного эмоционального воздействия на адресата, ибо во время слушания и разучивания лаконичных по форме и в то же время емких по содержанию песенных текстов действуют психологические механизмы непроизвольного запоминания. Структурная и смысловая многослойность, многомерность фольклорного текста отражаются в механизме его восприятия и постижения.

Адекватное представление о песенном фольклоре как полифункциональном явлении калмыцкой народной культуры может обеспечить лишь многоаспектное исследование, включая типологический и коммуникативный аспекты [Неклюдов 2002]. Только через речь, текст языковая система и ее единицы выполняют свое коммуникативное назначение.

Любой связный текст имеет коммуникативную установку, воплощает в себе определенную цель коммуникации. Песня в своем реальном бытовании всегда есть речевой акт, высказывание. Но для осуществления фольклорной коммуникации необходимо не только наличие говорящего и слушающего, но и их взаимная ориентированность, «настроенность» друг на друга: в фольклорном тексте «реализуется процесс общения говорящего и воспринимающего, их взаимная активность» [Чистов 2005: 157].

Важность изучения языка фольклорных текстов обусловливается растущим интересом исследователей к проблеме взаимодействия языка, культуры и человека как

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» (проект «Национальный корпус калмыцкого языка»)